

КОРОЛЕВСКИЕ ИДИЛЛИИ

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Flos Regum Arthuros —
Джозеф Экстерский*

Ему, душой принявшему сей труд,
Быть может, оттого, что в нем нашел он
Подобие себя, — я посвящаю,
Я посвящаю, я вручаю, плача,
Мои Идиллии.

И верно, он,
Мне кажется, — почти во всем такой же,
Как идеальный рыцарь Короля,
«Который так же, как его Король,
Был человеком совести и чести;
И славился борьбой за справедливость;
Который сам не лгал и лжи не слушал;
Который, лишь одну любя на свете,
До смерти оставался верен ей».
Ей... Над любимым из тех, чьи государства
Готовы были в мрак войны грозящей
До островка последнего втянуться,
Нависла тень его кончины, словно
Затмение, мир ввергшее во тьму.
Его лишились мы. Он нас покинул.
Теперь мы осознали, кем он был.
Слепое недоверие умолкло.
И стало ясно нам, как был он скромн,
Каким был добрым, совершенным, мудрым,
Умеющим обуздывать себя

Без принужденья, столь, сколь это нужно.
Из партий — ни за ту и ни за эту
Он не стоял, высоким положеньем
Не пользовался ради утоленья
Своих амбиций, как и превосходством
Потехи ради... И пронес сквозь годы
Цвет белоснежный безупречной жизни
Пред тысячею мерзостей людских,
Все время находясь в потоке света,
Что падает на трон и выявляет
Любое пятнышко... Найдется ль тот,
Кто бы предрек единственному сыну
Жизнь чище и прекрасней, чем его?
Могла бы Англия, что пребывает
В мечтаниях о сыновьях ЕГО,
Надеяться на лучшее наследство,
Чем жизнь, душа и ум твоим сродни?
О, Королей грядущего отец,
Заботившийся о ее народе
И бедняках ее! Ты — голос яркой
Зари, который призывал свернуть
С пути войны на путь переговоров
И мирного соперничества взглядов.
Ты — цельная натура, что впитала
Свет, исходящий от достойных книг.
Ты был не чужд наукам и искусству,
Любим своей землей и всеми нами,
Воистину Король, хоть не имел
Такого титула и так не звался,
Отныне и навеки — Альберт Добрый.

Не разрывайся, женское сердечко!
Не разрывайся, ибо королеве
Принадлежишь ты, а терпи покорно
И вспоминай о той звезде прекрасной,

Горевшей от тебя настолько близко,
Что исходил от вас единый свет,
Но закатившейся, так что венец
Сияет одиноко...

Может быть,
Его любовь, незримая для всех,
Но явная, тебе защитой будет,
И будешь ты окружена любовью
Всех сыновей твоих и дочерей,
И будет утешеньем для тебя
Любовь всего народа твоего
До той поры, пока любовь Творца
Тебя с ним рядом не поставит снова!

ПРИХОД АРТУРА

Леодогран, правитель Камеларда,
Имел единственную дочь, Гиньевру.
Ее прекрасней не было на свете,
И в ней одной была его отрада.

Немало до Артура королей
Британию прибрать к рукам желало.
Ведущаяся вечно между ними
Война вконец всю землю разорила.
К тому же и языческое войско
Врывалось временами из-за моря,
Многострадальный изнуряя край.
И остров стал огромною пустыней,
Где зверь встречался чаще человека
В те дни, когда пришел сюда Артур.
Сначала здесь Аврелий государил,
Затем — до смерти — государил Утер.
Но никому из них не удалось
Единое построить королевство.

И лишь Король Артур на краткий срок,
На Круглый стол всеильный опираясь,
Смог подчинить всех мелких королей
И стал для них единым государем.

Войной был разорен и Камелард.
В его сырых лесах зверье плодилось,
За коим не охотился никто.
Поэтому медведи, волки, вепри
И днем и ночью на полях резвились
И в королевских нежились садах.
Легко могла волчица утащить
И съесть ребенка. Но порой случалось,
Что, потеряв своих волчат, она
Людских детей выкармливала. Дети
В ее убогом логове росли,
Сырым питались мясом и ходили
На четырех ногах, как мать-волчица,
В людей-волков с годами превращаясь,
Страшной волков... Король Леодогран
Молил, чтоб снова римляне вернулись
В его страну. Вот тут-то и напали
На земли Камеларда брат его,
Король Урьен, и варварские орды.
От дыма покраснело в небе солнце,
От крови стала красною земля.
Копье язычника, пронзив ребенка,
И сердце матери его пронзало.
В смятенье пребывал Леодогран,
Не представляя, где искать подмоги.

Но тут, о коронации узнав
Артура, что прошла не слишком гладко,
Поскольку очень многие кричали:
«Он Утеру — не сын!», король отправил
Ему посланье, в коем говорилось:

«Приди скорей, Артур, и помоги нам!
Мы от людей и зверя погибаем!»

Артур еще войны не вел ни разу,
И все ж пошел он, зову вняв. Гиньевра
У крепостной стены тогда стояла
И любовалась на движенье рати.
Но оттого, что не носил Артур
Ни на щите своем и ни на шлеме
Златого знака королевской власти
И рыцарем простым казался с виду,
И многие оружие богаче,
Чем он, имели, не смогла Гиньевра
Из пестрой рати выделить его,
Хотя его лицо открытым было.
Артур же, опустив глаза скакавший,
Вдруг ощутил, что свет очей Гиньевры
Ворвался в жизнь его. И все же он,
Не оглянувшись, до опушки леса
Домчался и раскинул там свой лагерь.
Затем он гнал язычников, затем
Зверье повыбил и окрестный лес
Повырубил, в него впуская солнце.
И проложил широкие дороги
Для рыцарей с охотниками он,
И лишь потом вернулся...

Но пока
Сражался он, переросло сомненье,
Которое в сердцах вассальных лордов
Давно уж зрело, в новую войну.
И многие из них, объединившись
С десятком разных мелких королей,
Против него восстали, возгласив:
«Кто он такой, чтоб нами управлять?
Кто доказал, что Утеру он сын?»

Наоборот, все мы глядим и видим,
Что ни лицом, ни телом, ни повадкой,
Ни голосом он с Утером не схож.
Он отпрыск Горлейса — не короля!
Он отпрыск Энтона — не короля!»
Артур, на битву с ними отправляясь,
В страданиях жестоких пребывал,
Желая жизнь свою связать с Гиньеврой,
И думал он: «Ее отец сказал:
„Мы от людей и зверя погибаем!“
Так неужели из страны зверей
Ее не вырву я, и не возвышу,
И царствовать с собой не посажу?
Не быть счастливым мне до той поры,
Покуда буду одинок... О звезды,
Мерцающие в небе надо мной!
О, подо мной дрожащая земля!
Зачем пустые грезы мне дарите?
Для моего спасенья нужно мне
Соединиться с той, что всех прекрасней
На белом свете. Я себе кажусь
Песчинкою в огромном этом мире,
И волю свою выполнить не волен,
И дело делаю не как хочу,
И, сколь ни бьюсь, не чувствую себя
Хозяином в своем же королевстве.
Но если бы я с ней соединился,
Мы сразу бы единым целым стали,
И волею единою могли бы
Мы осветить весь этот темный край
И оживить весь этот мертвый мир!»

Итак, как нам сказитель говорит,
Когда Артур подъехал к полю брани,
Где стан врага расположился, воздух
Столь ясен был, что различил Король

Чуть видный камень на холме далеком
И в небе — утренней звезды мерцанье.
Но только поднял над собою стяг
Король, как на него со всех сторон
Под звуки труб, от коих стыла кровь,
Крича, помчались вражьи копьеносцы.
И рыцарям уж чудилась победа.
Казалось, что Артуру не удастся
Ход битвы изменить. Но тут вмешались
Те Силы, что вселенной управляют.
И, молнии наслав и громом грянув,
Они врагов коварных ослепляли
До той поры, пока Король Артур
Не смог собрать своих людей и бросить
Все рыцарство свое на королей
Карадоса, Урьена, Крадлемонта,
На Кларенса, на Оркнейского Лота,
На Брандагораса из Латангора,
На Морганора и на Ангвисанта
Ирландского. Тогда, услышав голос
Столь страшный, словно крик того, кто с неба
Зрит грешника, который полагает,
Что он один, а мир весь — сном объят,
Попятились они и побежали,
И приказал Артур вложить в ножны
Мечи тяжелые — те, что рубили
Бегущих, — и воскликнул: «Всё! Ушли!»
Таким застывшим было поле битвы,
Каким бывает лишь на полотне.
И смолкли, словно мертвые, живые,
И счастлив был Король Артур безмерно.
Он улыбнулся своему любимцу —
Младому рыцарю — и молвил: «Знаю,
Не сомневался ты, что я — Король,
И потому так славно потрудилась
Сегодня для меня твоя рука!» —

«Сеньор мой, — тот ответил. — Божье пламя
Во время битвы над тобой узрел я.
Ты мой Король навеки!» И тотчас
Король и воин поклялись друг другу
На смертном поле в верности бессмертной.
Артур воскликнул: «Слово человека
Есть Бог в его душе. Что ж, на тебя
Смогу я положиться в смертный час».

Затем он новых рыцарей своих
(Их имена — Ульфиус, и Брастиас,
И Бедивер) не мешкая отправил
С посланьем к королю Леодограну.
«За то, что я, — в посланье говорилось, —
Тебе неплохо нынче послужил,
Отдай мне в жены дочь твою, Гиньевру».

Король в душе, прочтя сие, воскликнул:
«Да! Он помог в моей беде. Но разве
Мне, королю, пристало отдавать
Ему свою единственную дочь,
Коль не король он и, быть может, даже
Не королевский сын?» И тут же, вызвав
К себе седого старца-камергера,
Спросил его, поскольку полагался
На мудреца во всем: «Тебе известно ль
Хоть что-то о рождении Артура?»

«Мой государь, — ответил камергер, —
О нем известно лишь двум древним старцам,
Я каждого из них моложе вдвое.
Один из них — мудрец великий Мерлин,
Который Утеру своим искусством
Магическим служил. Второй же — Блез.

Тот самый Блез, что Мерлину открыл
Все тайны волшебства. Но ученик
Учителя столь дивно превзошел,
Что Блез оставил магию и годы
Потратил, чтобы летопись составить
Деяний тех, что Мерлин совершил.
Так вот! Лишь из нее и будет узнан
Секрет рожденья Короля Артура!»

«Мой друг, — сказал король Леодогран. —
Когда бы помощь Короля Артура
Была такой же, как сейчас твоя,
Меня давно убили бы иль съели...
Но, видишь ли, немедля ждут ответа
Ульфиус и Брастиас с Бедивером».

Когда же рыцари пред ним предстали,
Король сказал: «Однажды видел я,
Как за кукушкой гнались синицы.
Понятна мне причина их погони.
Но по какой причине ваши лорды
Пожар войны великой раздувают?
Наверное, одни из них считают,
Что Горлейсом рожден Король Артур,
Другие же — что Энтоном? Скажите,
Считаете ль вы сами, что Артур
Сын Утера, а не кого иного?»

«Да», — молвили Ульфиус и Брастиас,
А Бедивер, который самым первым
Был принят в рыцари после того,
Как получил Король Артур корону,
Сказал, поскольку был он смел всегда
В делах, в словах, а главное, душою,
Когда пятнали толки честь Артура:

«О нем немало ходит слухов, сэр.
Ведь ненависть к нему снедает тех,
Что Короля считают низкородным.
Ну а с тех пор, как он удачлив стал,
А им все больше не везет, они
В нем видеть человека не желают.
Есть и другие, мнящие, что он
С небес сошел на землю. Я же верю
Совсем иному, коли знать хотите.
Сэр, как известно вам, во времена,
Когда был Утер королем Британским,
Жил в Корнуолле, в замке Тинтагиль
Могучий герцог и воитель Горлейс,
Женатый на прекраснейшей Игерне.
У них лишь дочери были. (Беллисента,
Одна из них, женою Лота став
И королевой Оркнея, Артуру
Всегда сestroю верною была.)
А сыновей Игерны не имела.
К Игерне Утер воспылал любовью.
Но преданной она была женой
И, негодуя, Утера отвергла.
Вот потому и разразилась вскоре
Меж Утером и Горлейсом война.
В бою разбит был Горлейс и погиб,
А грозный Утер в ярости и гнев
С огромным войском замок осадил.
Увидев это войско под стенами,
Все люди, что служили в Тинтагиле,
Оставили Игерну и бежали.
И было не от кого ждать подмоги
Игерне в час, когда вошел к ней Утер.
Тогда, смирившись с властью короля,
Она в слезах и с быстротой позорной
Ему женою стала. С той поры

Совсем немного времени прошло,
И Утер умер, об одном горюя,
Что не оставил сына на земле,
Который бы сумел от разрушенья
Страну спасти. Но в том-то все и дело,
Что в ту же ночь — ночь перед Новым годом —
Страдалица Игерна раньше срока
Артура родила. И сей же час,
Едва малыш на божий свет явился,
Он Мерлину сквозь дверцу потайную
Был передан, чтоб тот вдали от замка
Скрывал его до тех времен, пока
Пора назначенная не наступит.
Ведь лорды в те года, как и теперь,
Свирепее зверья лесного были
И разорвали б на куски младенца,
Когда б о нем прознали, ибо им
Самим хотелось властью насладиться.
К тому же из-за Горлейса был Утер
Им ненавистен. Потому-то Мерлин
И взял младенца и доставил вскоре
В дом сэра Энтона, который близким
Был другом Утеру. Его жена
Сумела выкормить и воспитать
Артура вместе с собственным ребенком,
И ни один из смертных на земле
О сей великой тайне не проведал.
А лорды, словно дикое зверье,
Все эти годы меж собой дрались
И государство привели к разору.
Лишь ныне — час настал — позволил Мерлин
Артуру возвратиться в отчий замок
И, в тронный зал введя его, воскликнул:
„Вот ваш Король! Вот — Утера наследник!“
Сто голосов в ответ ему: „Долой!“

Он не король для нас, а самозванец!
Он — отпрыск Горлейса, а не король!
Он — отпрыск Энтона, а может даже,
Что и простолюдин!“ Однако Мерлин
Благодаря искусству своему
Короновал Артура, ибо видел,
Что люд простой желает Короля.
И все ж великим лордам удалось
Потом объединиться. Вот тогда
И разразилась наконец война».

Пока король, трем рыцарям внимая,
Гадал, кто ж все-таки Король Артур —
Дитя позора, что весьма возможно,
Сын Горлейса, что очень вероятно,
Ребенок Утера, что допустимо,
Иль вообще все сказанное лживо.
Итак, пока он думам предавался,
Нежданно в Камеларде объявилась
Хозяйка Оркнея и королева,
Она ж — супруга Лота, Беллисента.
С ней сыновья — Гавейн и юный Модред.
Для них король по долгу — не по сердцу —
Устроил пир и так к ним обратился,
Когда они сидели за столом:

«Трон шаткий — это лед на летнем море.
Вы от Артура прибыли, чьи люди
Восславили уже его победу.
Все так! Но вы — вы, верящие в то,
Что он — Король, считаете ли вы,
Что хватит у Артура сил держать
Врагов высокородных в подчиненье,
Ведь их так много, и они сильны,
А рыцари Артура, хоть и храбры,
Но слишком малочислен их отряд?»

«Король мой, — отвечала Беллисента, —
Согласна я с тобой. Да, их немного,
Но храбры все, и Королю Артуру
Душой и телом преданы они!
С ним я была в тот самый час, когда
Умолкли вопли пэров, и Артур
Воссел на трон, и воины вскричали:
„Ты — наш Король! И мы тебе готовы
С любовью подчиниться“. И тогда
Он словом и решительным, и властным
Принудил их к такой суровой клятве,
Что многие из тех, кого возвел
Он в рыцари, с коленей встав, казались
Столь бледными, как будто им неожиданно
Явился дух, другие — покраснели,
А третьи изумились так же сильно,
Как тот, кто был разбужен вспышкой света.

Но вот Король Артур их ободрил
Божественным великодушным словом,
Которое не в силах повторить я,
И я узрела, что на краткий миг
Глаза всех рыцарей до одного
Сверкнули так же, как глаза Артура.
И прежде чем глаза погасли, пламя
Зелено-голубое, в три луча,
Вниз из окна над головой Артура
Вдруг вырвавшись, скользнуло по распятыю,
По рыцарям, что вокруг него сплотились,
И озарило каждую из трех,
В безмолвии стоявших возле трона,
Прекрасных королев, друзей Артура,
Чудесными и яркими очами
Глядевших на него; тех королев,
Что в час беды придут ему на помощь.

Был возле трона и волшебник Мерлин,
Чья сотня зим и чей могучий ум
Служили только своему сеньору.

В наряде белоснежном из парчи,
Таинственна и необыкновенна,
С ним рядом Дева Озера стояла,
Та, что искусней в магии, чем он,
И что вручила Королю когда-то
С крестообразной рукоятью меч —
Разить язычников. Над ней курился
Легчайший фимиам. И лик ее
Почти не виден был во мраке церкви.
Зато в священных гимнах различила
Я голос, как вода журчащий, ибо
Волшебница живет в пучине вод.
Какой бы шторм ни бушевал над миром,
В глубинах все спокойно. И когда
Волнуется поверхность вод, по ней
Пройти умеет Дева, как Господь.

Там и узрела я Экскалибур —
Меч, что поднялся из глубин озерных.
Его при коронации несли
Пред Королем. И подошел к нему,
И взял его Артур. Эфес меча
Украшен был камнями дорогими
И Уримом волшебным, волновавшим
И взор, и сердце. А клинок меча
Сверкал так сильно, что слепил людей.
На каждой из сторон клинка имелось
По надписи. Одна из них гласила
На древнем языке: „Возьми меня“.
Другая же, с обратной стороны,
На языке, которым ты владеешь,
„Отбрось меня!“ просила. И Артур

Печален был, тот принимая меч.
Но молвил Мерлин: „Коли взял — сражайся.
Тебе еще послужит он в сраженьях.
Не скоро час придет его отбросить“.
И взял Артур великий этот меч,
И с помощью меча разбил врагов».

Повеселел Леодогран, услышав
Такие речи, но, поскольку в нем
Еще не умерло сомнение, он
Спросил, в глаза ее с вопросом глядя:
«Да! Стриж и ласточка — почти родня.
Но Королю светлейшему ты ближе,
Ведь ты ему — сестра». В ответ на это,
Задумавшись, сказала Беллисента:
«Я дочь Игерны с Горлейсом, король!» —
«Поэтому Артуру ты сестра?» —
«Есть в этом тайна», — молвила она
И, прежде чем продолжить, попросила
Двух сыновей своих покинуть зал.
Гавейн ушел, насвистывая что-то,
И стал скакать, подобно жеребенку,
И встряхивал кудрями, словно гривой.
Но юный Модред был хитрее брата.
Прижавшись ухом к двери, он подслушал
Весь разговор, что позже повлекло
Его к борьбе за трон, и отчего
Впоследствии нашел свою он гибель.

Сказала Беллисента: «Что я знаю?
Темны глаза и волосы Игерны.
Темны и у меня они, а также
У Горлейса. Но будет интересно
Тебе узнать — был Утер темным тоже,
Почти что черным. А Король наш — светел.

Светлей его средь бриттов не найдешь.
А кроме этого, я помню крик,
Что услышала как-то ночью в детстве,
И мать в рыданиях, и ее слова:
«Есть у тебя теперь чудесный братец.
Он на суровом жизненном пути
Тебе охраной будет и подмогой».

«Так ты слыхала крик... — сказал король. —
Когда ж Артур тебя впервые встретил?»

«О государь, — воскликнула она, —
Поведаю тебе я и об этом.
Со мною он впервые повстречался,
Когда еще малюткой я была.
Пришлось принять мне как-то наказание
Безвинно. От обиды убежала
Я к вересковой пустоши и там,
Упав на землю, горько зарыдала,
Весь этот мир прекрасный ненавидя
И умереть желая. Тут-то он
И оказался рядом. Я не знаю,
Пришел он сам или его прислал
Волшебник Мерлин, тот, что, говорят,
Невидимым, когда желает, бродит, —
Но только сел он рядышком со мною,
И добрым словом сердце мне утешил,
И слезы осушил, хоть был ребенком...
Ко мне потом он часто приходил,
Взрослел со мною вместе. Если мне
Казался грустным он, и я грустила.
Был резким он порою, и тогда
Я думала, что не люблю его,
Но стоило стать ласковым ему,
И вновь его любила я, как прежде.

Теперь нечасто вижу я Артура.
Но золотое время наших встреч
Еще и потому навек со мной,
Что знала я: он будет Королем!

Но разреши теперь мне рассказать
Тебе, король, историю иную:
Наставник Мерлина, волшебник Блез,
Лежащий при смерти, послал за мной,
Желая мне открыться пред кончиной.
Войдя к нему, его я не узнала.
Он так усох, что был ребенка меньше.
И вот что он поведал. Он и Мерлин
Всю жизнь усердно Утеру служили
До самой его смерти. Лишь в ту ночь,
Когда скончался Утер в Тинтагиле,
Рыдая, что наследника престола
Не оставляет, оба мудрых мага
Покинули недвижимого монарха
И, меж собою говоря неслышно,
Из замка вышли, и, войдя во тьму,
В густую ночь, сокрывшую границы
Меж небом и землей, вдруг увидали
Перед собой во мрачном океане,
Как будто в небесах, корабль огромный,
Похожий на летящего дракона.
Корабль был залит светом — мореходы
По палубам сверкающим сновали —
И столь же быстро, как и появился,
Пропал. Тогда спустились маги к бухте.
Там море волновалось и бурлило.
Валы вставали все мощней и выше,
И наконец девятый вал, последний,
В себя вобравший половину моря
И полный голосами, встал до неба

И на берег низвергся с диким ревом,
Кроваво-красным пламенем объят.
И в глубине его, в огне, родился
Младенец беззащитный, и к ногам
Он Мерлина волною был подброшен.
Воскликнул Мерлин, взяв его: „Король!
Вот Утера наследник!“ И когда
Последнее он слово произнес,
Край пенящийся вала огневого
Его ударил, яростное пламя
Вокруг него стеною поднялось,
И пламенем оделся он с младенцем.
И вдруг утихло все. И в небе чистом
Зажглась звезда. „Так вот, младенец этот, —
Закончил Блез, — и есть наш государь!
Не мог бы я спокойно умереть,
Пока о нем бы не поведал миру“.
И, вымолвив сии слова, пророк
Вошел в ужасное ущелье смерти,
Где будет он избавлен от вопросов,
Пока не выйдет из того ущелья
В другом его конце. Когда же я
У Мерлина спросила, правда ль это —
Дракон блестящий и дитя нагое,
Рожденное в огне морской стихии,
Смеяться начал Мерлин, а потом
Старинными трехстишьями, в которых
Загадка слово каждое, ответил:
„Здесь — дождь, там — солнце. Радуга над нами.
Мудрее станет юноша с годами.
Ум старца угасает, словно пламя.

Здесь — дождь, там — солнце. Радуга и лето.
Та правда — мне, тебе же — правда эта.
Твоя — в одеждах, а моя — раздета.

Здесь — дождь, там — солнце. Ярок небосклон.
Где тот, кто знает явь и знает сон?
Из бездны в бездну переходит он“.

И хоть меня загадками своими
Разгневал Мерлин, можешь ты без страха
Отдать Артуру дочь свою, Гиньевру.
Поверь, король, великие поэты
Когда-нибудь Артура воспоют.
И темные преданья старины
Войдут, звеня, в сердца людей грядущих,
И эхо старой повести в часы
Их отдыха вечернею порою
Напомнит им о Короле Артуре.
Ну а еще поклялся Мерлин мне —
И в этом не было ни тени шутки, —
Что, ежели Артур и будет ранен,
Он не умрет, а лишь уйдет, чтоб снова
Потом прийти. И будет усмирять
Языческие рати до тех пор,
Пока они, как и его народ,
Не назовут его своим монархом».

Обрадован ее словами был
Король Леодогран, и все же мысль:
«Что должен я ответить? Да иль нет?» —
Его не покидала. С думой этой
Он сну предался и во сне увидел
За дальними полями холм высокий.
Его вершина пряталась в тумане,
И там — в тумане — призрак короля
То возникал, то исчезал. А ниже
Меч из холма поднялся, и олень
Упал, и в страхе стадо побежало.
Взметнулось к небу пламя. Вся земля —
От холма до стогов — покрылась вдруг

Клубами дыма, что, гонимы ветром,
Ползли к вершине и, в туман вливаясь,
Его сгущали. Призрак короля
Кричал порою что-то. Тут и там
Стояли люди. Кое-кто из них
Указывал на короля, другие,
Которых жгло и убивало пламя,
Вопили злобно: «Нам ты не король!
Ты — Утеру не сын. Ты — самозванец!»
И вдруг мгновенно изменился сон:
Туман рассеялся, растаял холм.
И лишь Король, увенчанный короной,
Остался в небесах... И в тот же миг
Леодогран проснулся и отправил
Трех королевских рыцарей младых,
Чьи имена Ульфиус, и Брастиас,
И Бедивер, к Артуру, молвив: «Да!»

Артур, известье получив, послал
Воителя, которого любил
И чтит безмерно, сэра Ланселота,
За королевой. Сам же у ворот
Стал, провожая рыцаря в дорогу.
И Ланселот исчез среди цветов
Весенних — был тогда конец апреля —
И появился вновь среди цветов
В прекрасном мае, и уже с Гиньеврой.
И тем же утром перед алтарем
Святым его преосвященство Дабрик
Артура и Гиньевру обвенчал.
И радовались вместе с королем
Сему событию все, кто окружал
Его в тот час, те рыцари его,
Стоящие в одеждах белоснежных,
Те юноши прекрасные, что верно
Служить ему до гроба поклялись.

А от дверей собора приоткрытых
Вдаль убегали майские луга,
И белым маем цвел святой алтарь,
И над главою Короля, как нимб,
Сверкало золотое солнце мая.
Стояли все вокруг, поражены
Красою неземной их королевы.
Курился фимиам. И слышен был,
Вплетаясь в гимны, дивный голос, схожий
С журчаньем вод, когда давали клятву
Всегда любить друг друга эти двое.
И произнес Артур: «Да будет так!
Твоя судьба — моя судьба отныне!
Клянусь тебя любить до самой смерти!»
И королева, опустив глаза,
Ответила ему: «Мой повелитель,
Клянусь тебя любить до самой смерти!»
И Дабрик, их перстами осенив,
Сказал: «Живите, царствуйте, любите
И сделайте наш мир другим. Отныне
Едины вы. И Круглый стол всегда
Послушен будет воле Короля!»

Так молвил Дабрик. Но когда они
Покинули собор, на них смотрели
С презрением посланники из Рима,
В молчании стоявшие у входа.
Потом кортеж по городу прошел.
Озарены огнем горячим солнца,
Сверкали одеянья золотые,
И звуки труб над шествием лились,
И рыцари Артура песню пели:

«Труби, труба! Вся жизнь, как май, бела!
Труби, труба! Ночь долгая прошла!
Труби над миром: „Слава Королю!“

Неужто нас захватит Рим, наш враг?
Меч из ножен! Руби врага, тесак!
Руби врага во славу Короля!

Кто с Королем, того не побороть.
Поведал тайну Королю Господь.
Руби врага во славу Короля!

Труби, труба! Из праха, люд, вставай!
Живи в нас, сила! Слабость, умирай!
Руби, тесак, во славу Короля!

Вперед! А коль умрешь ты в чистом поле,
Умрешь за Короля по Вышней воле!
Руби, тесак, во славу Короля!

Труби, чтоб солнце мая стало жарче,
Чтоб с каждым днем оно сияло ярче!
Руби, тесак, во славу Короля!

Король ведет нас за Христом, ведь он
Самим Всевышним в тайну посвящен.
Руби врага во славу Короля!»

Так пели рыцари, вступая в замок.
А на пиру посланники из Рима,
Теряющего власть свою над миром,
Как некогда, потребовали дани.
Но им сказал Король Артур: «Взгляните!
Вот те, что Королем меня считают,
Что поклялись сражаться за меня.
Порядок прежний кончился, на смену
Ему уже идет порядок новый.
Мы все в сраженьях умереть готовы
За нашего отца Христа. Мы видим,

Что стары вы и от Стены от Римской
Нет сил у вас язычников прогнать.
Не будет дани вам!» Посланцы Рима
Из залы тотчас вышли в страшном гневе,
И началась борьба Артура с Римом.

Артуру были рыцари верны.
С их помощью Король все королевства
Британии смог подчинить себе.
В двенадцати великих битвах он
Языческие орды одолел
И стал для всех единым государем.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ГАРЕТ И ЛИНЕТТА

Сын младший Лота с Беллисентой — Гарет,
Который был высок не по годам,
Весной дождливой на разлив реки
Глядел, дивясь. Высокая сосна,
Подмытая потоком, вдруг упала
И в миг один была унесена.
Воскликнул Гарет: «Так бы рухнуть мог
Тщедушный рыцарь иль дурной король
От моего копья, когда б я с ними
Сразился. О бездушная стихия,
Крушащая все на своем пути!
Ты лишь снегами хладными взбухаешь,
Во мне же — кровь живая. Ты и я —
Мы созданы одною Божьей волей,
Но ты о том не ведаешь, а я,
Который знает все это и полон
Ума и сил, я вынужден сносить

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЕВСКИЕ ИДИЛЛИИ. <i>Перевод В. Лукина</i>		
Посвящение	5	
Приход Артура	7	
Круглый стол		
Гарет и Линетта	27	
Женитьба Герейнта	82	
Герейнт и Энид	112	
Балин и Балан	148	
Мерлин и Вивьен	175	
Ланселот и Элейн	213	
Святой Грааль	268	
Пеллеас и Эттара	303	
Последний турнир	326	
Гиньевра	356	
Уход Артура	384	
Королеве	400	
ВОЛШЕБНИЦА ШАЛОТТ. <i>Перевод Д. Катар</i>		404
УЛИСС. <i>Перевод Г. Кружкова</i>		410
ТИФОН. <i>Перевод Г. Кружкова</i>		413
ЛОТОФАГИ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>		416
ПРОЛОГ К «СМЕРТИ АРТУРА»		
<i>Перевод Г. Кружкова</i>		418
СМЕРТЬ АРТУРА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>		420
ИЗ ЦИКЛА «IN MEMORIAM» <i>Перевод Г. Кружкова</i>		
V («Порой мне кажется: грешно...»)		428
VII («Дом пуст...»)		428
XI («Как тихо, Господи, вокруг!»)		429

LIV («О да, когда-нибудь потом...»)	429
SIV («Подходит к Рождеству зима...»)	430
<i>ИЗ ПОЭМЫ «МОД». Перевод Г. Кружкова</i>	
Рассвет	431
Раковина	434
ГОДИВА. Перевод И. Бунина	436
МЕРЛИН И ЛУЧ. Перевод Г. Кружкова	439
ЗА ВОЛНОЛОМ. Перевод Г. Кружкова	444